

Установленный царем порядок начал разрушаться сразу после его смерти. Объектом общей ненависти стал царский фаворит Богдан Бельский, воспринимавшийся как живое воплощение режима. Как это бывало в Московской Руси, политическая борьба выразилась в споре о «местах» между Бельским и казначеем Петром Головиным, принадлежавшим к старомосковскому боярскому роду. В этом споре только семья Годуновых поддержала Бельского, а «за Петра, — как писал автор «Пискаревского летописца», — стал князь Иван Мстиславской с товарищи и все дворяне». Накапливавшееся в среде представителей «добрых» дворянских и боярских родов враждебное отношение к худородному «выдвиженцу» прорвалось наружу — «и Богдана хотели убити до смерти дворяне», так что одному из первых вельмож государства пришлось поспешно укрыться в царских покоях.

В ответ Бельский попытался силой сохранить существующий режим. Как сообщал своему королю доехавший к тому времени до Москвы посол Речи Посполитой Лев Сапега, царский фаворит стал искать поддержки у московских стрельцов. Эти стрелецкие войска входили в состав особого двора и получали в отличие от других стрелецких отрядов повышенное жалованье, которое они боялись утратить. Ворота в Кремль были закрыты, по стенам расставлена стража. Как отметил посол, Бельский убеждал оказавшегося в его руках молодого царя, чтобы тот «сохранял двор и опричнину, как и отец его».

В это время, как отмечено в «Пискаревском летописце», «некто из молодых детей боярских учал скакати из Большого города» (то есть из Кремля). Он кричал, что «бояр Годуновы побивают». Очевидно, родственники молодого царя Годуновы, возвысившиеся также благодаря службе в особом дворе, воспринимались в обществе как люди, близкие Бельскому, и как соучастники его планов. Положение было столь напряженным, что эти крики стали как бы сигналом к стихийно вспыхнувшему восстанию. Автор «Пискаревского летописца» записывал, что «народ восколебался весь без числа со всяким оружием», и напуганные власти «Большого города ворота заперли». «И чернь московская приступали к городу Большому и ворота Фроловские (главный вход в Кремль у Спасской башни. — Б.Ф.) выбивали и секли и пушку большую, которая стояла на Лобном месте, на город поворотили». Так Кремль оказался осажден восставшими горожанами Москвы. Если в 1564 году при введении опричнины московские горожане ре-

шитительно встали на сторону царя, выражая желание расправиться с его лиходеями, то теперь все население столицы стихийно поднялось на борьбу с установленным царем режимом.

Однако не одни горожане приняли участие в восстании. Как отмечено в интересном летописном памятнике конца XVI века, так называемом «Безнинском летописце», «дети боярские на конех многие из луков на город стреляли». И это не единственное свидетельство об участии дворян в восстании. В «Новом летописце», главном памятнике московского официального летописания первой половины XVII века, также читаем, что «присташа к черни рязанцы Ляпоновы и Кикины и иных городов дети боярские». Осадившие Кремль дворяне и горожане кричали: «Выдайте нам Богдана Бельского! Он хочет известъ царский корень и боярские роды!» Разумеется, фаворит Ивана IV вряд ли питал подобные замыслы, но люди, видевшие в нем живое воплощение установленного покойным царем порядка, готовы были поверить самым чудовищным слухам. После многочисленных экспериментов царя Ивана широкие круги населения, некогда поддерживавшие его в борьбе со знатью, теперь готовы были видеть в «боярских родах» оплот стабильности и порядка. Добиваясь выдачи Бельского, эти люди явно выражали свое недовольство сложившимся положением. Волнения прекратились лишь тогда, когда было объявлено о ссылке Бельского в Нижний Новгород. Все это происходило 9 апреля 1584 года, менее чем через месяц после смерти Ивана IV.

Отстранение Бельского от власти стало началом важных перемен. 31 мая 1584 года состоялась коронация нового царя. В брошюре, посвященной этому событию (она увидела свет в Лондоне в 1589 году), Джером Горсей записал: «Многие князья и знать из известных родов, попавшие в опалу при прежнем царе и находившиеся в тюрьме двадцать лет*, получили свободу и свои земли. Все заключенные освобождались и их вина прощалась». Тогда же, вероятно, прекратилось и разделение страны на «двор» и «земщину». Жители одной части страны больше не имели каких-либо особых прав и привилегий по сравнению с жителями другой части страны. Как показало изучение списков людей, вошедших в состав ныне единого «государева двора», осуществленное А.Л. Станиславским и С. П. Мордовиной, хутородные дворяне, получившие от царя в его особом дворе высокие чины «стольников» и «стряпчих», при новом царе были возвращены в свое прежнее положение. В последнее десятилетие своего правления Иван IV правил страной, опираясь на группу пользовавшихся его

* Как видим, составляя «Синодик опальных» и организовывая заупокойные службы по казненным, царь не нашел нужным освободить людей, заключенных по его приказу в тюрьмы, — еще одно доказательство того, что царь вовсе не считал избранную им политику неправильной, а наказанных им подданных — невиновными.

особым доверием «думных дворян». Именно их Антонио Поссевино называл «ближайшими советниками» Грозного. Большую часть из них в новое царствование ожидали опалы, ссылки или назначения на воеводства в дальние и провинциальные города. В списке «двора» 1588/89 года были записаны всего два думных дворянина.

Перемены, как видим, были серьезными. Означало ли это, что все, сделанное Иваном IV в годы его правления, рассеялось как дым, не оставив никаких следов? Такое представление было бы в корне ошибочным.

Происшедшие в правление Ивана IV перемены наложили глубокий отпечаток на характер отношений между государственной властью и дворянским сословием, определив на долгие времена и характер русской государственности, и характер русского общества не только в эпоху Средневековья.

Одним из главных последствий проводившейся Иваном IV политики стал резкий рост удельного веса поместных земель. Как показало изучение писцовых описаний конца XVI века, даже в уездах старого центра, где исстари существовало вотчинное родовое землевладение, доля вотчин в общем фонде земель, находившихся во владении дворянского сословия, стала совсем незначительной: в Романовском уезде — 6%, в Малоярославецком уезде — 5%. Русский дворянин этого времени — прежде всего помещик, владеющий своей землей лишь до тех пор, пока власть, от которой он эту землю получил, довольна его службой. Уже эти перемены означали значительное подчинение дворянского сословия контролю и руководству государственной власти. Созданные в ходе реформ 50-х годов органы сословного самоуправления на местах сохранялись, но с течением времени власть на местах постепенно переходила в руки «судей», а затем «воевод» — детей боярских из членов «государева двора», подчинивших себе органы сословного самоуправления и проводивших политику, которая отвечала интересам направившей их туда государственной власти. Посылка на места таких «воевод» началась еще в 70-е годы XVI века и принимала все более широкий размах в последние годы правления Ивана IV и в годы правления его преемников.

Верхний слой дворянского сословия — аристократия — сумела сохранить за собой традиционную монополию на власть и воспользовалась смертью Ивана IV, чтобы устранить его худородных «выдвиженцев». Но в положении этой аристократии произошли очень значительные изменения.

Старое родовое землевладение знати в эпоху опричнины было разбито. Правда, сановники, входившие в окружение нового царя — Федора, по-прежнему оставались крупными землевладельцами, но родовые вотчины составляли сравнительно небольшую часть их владений. Эти владения были разбросаны по всей территории страны и

состояли в основном из поместий и выслуженных вотчин, полученных за службу от царя Ивана и его преемников. Тем самым традиционная система связей, обеспечивавшая тем или иным группам знати власть и влияние в определенных районах страны, была разрушена. Предпринятые при царе Федоре попытки восстановить особые «княжеские корпорации» в составе «двора» закончились полной неудачей.

Установившийся в последней трети XVI века порядок службы также способствовал отчуждению между аристократией и провинциальным дворянством. Если еще в середине XVI века даже самые знатные представители аристократических родов начинали службу в рядах уездных дворянских организаций, то теперь молодые аристократы получали придворные должности при особе царя, а далее карьера вела их в состав Думы или особого, созданного в правление Ивана IV чина — «дворян московских». Получавшие назначения на важные военные и административные должности (воевод в полках и воевод в крупных городах, судей приказов, писцов) «дворяне московские» несли свою службу с Москвы по особому «московскому списку» и в свободное от службы «на посылах» время должны были находиться в столице. Внимательный наблюдатель жизни верхов русского общества польский шляхтич Станислав Немоевский в начале XVII века записал, что каждый знатный человек должен иметь двор в Москве, так как большую часть времени он проводит при государе, а не в своих владениях. Он же отметил, что даже в свою деревню знатный человек не может поехать без разрешения царя, а если запоздает вернуться к указанному сроку, то может подвергнуться серьезному наказанию. Жизнь такого аристократа была тесно связана со столицей и царским двором, и в глазах местного населения он был прежде всего представителем столичной власти. Дополнительным фактором, привязывавшим эту аристократию к власти, были щедрые пожалования из царской казны. Как отметил все тот же Немоевский, все приближенные царя регулярно получали денежное жалованье и ежедневно пищу и напитки с царской кухни.

Все это означало окончательное превращение прежней родовой аристократии в аристократию служилую, интересы которой оказывались тесно связанными с интересами государственной власти. Такая аристократия не могла стать силой, способной объединить дворянское сословие в борьбе за его интересы против государственной власти. Напротив, сложившиеся отношения способствовали зарождению определенного антагонизма между провинциальным дворянством и преобладающими в Москве «сильными людьми».

Если к сказанному добавить, что благодаря Ивану IV и книжникам его круга в сознание общества глубоко внедрилось представление о том, что лишь сильная неограниченная власть монарха может обеспечить порядок в государстве и гарантировать его самостоятель-

ность, то уже в общих чертах будет ясен ответ на вопрос о той роли, которую сыграл Иван IV в историческом развитии России.

Благодаря его вмешательству был оборван наметившийся в середине XVI века в России процесс формирования «сословного общества», формирования сословий как сложно организованных, корпоративных структур, автономных по отношению к государственной власти. К концу правления Ивана IV (и во многом благодаря его политике) русские сословия сформировались как сословия «служилые», жестко подчиненные контролю и руководству государственной власти, а государственная власть приобрела столь широкие возможности для своих действий, какими она, пожалуй, не обладала ни в одной из стран средневековой Европы.

В современной демократической публицистике широкое распространение получило представление о том, что эти действия Ивана IV оказались чрезвычайно пагубными для судеб страны, так как направили ее по пути, отличному от того, по которому двигались развитые страны Западной Европы. При этом, однако, молчаливо предполагается, что зарождавшееся в России «сословное общество» должно было быть «сословным обществом» именно такого типа, который существовал во Франции или в Англии и для которого был характерен определенный баланс интересов между сильной государственной властью и автономными сословиями, обеспечивавший наиболее оптимальный в тогдашних условиях путь развития общества. Но могло ли сложиться «сословное общество» такого типа в слабо заселенной аграрной стране с редкой сетью городов, из которых подавляющая часть вовсе не была сколько-нибудь крупными центрами ремесла и торговли? Гораздо больше шансов на то, что русское «сословное общество» оказалось бы близким к тому типу «сословного общества», которое сложилось в XV—XVI веках в тех странах Центральной Европы, где уровень урбанизации был гораздо ниже, чем на западе Европы.

Для такого типа «сословного общества» было характерно всецелое влияние дворянства, которое, отстранив от активного участия в политической жизни городское сословие и резко ограничив власть монарха, взяло непосредственно в руки своих представителей многие функции государственного управления и ориентировало государственную политику на обслуживание своих непосредственных сословных интересов. В эпоху, когда правительства стран Западной Европы поощряли развитие ремесла и промышленности, дворяне, овладевшие государственной властью в странах Центральной Европы, поощряли экспорт в свои страны дешевых иностранных товаров, на приобретение которых они затрачивали меньше денег. Подобная политика, разумеется, способствовала все большему отставанию стран Центральной Европы от стран Европы Западной. К этому следует добавить, что резкое ограничение власти монарха, разумеется, исключало воз-

мжность такого обращения с подданными, какое было присуще Ивану IV, однако ослабление роли монарха как верховного арбитра в отношениях между сословиями и отдельными группировками в рамках правящего дворянского сословия вело к тому, что на практике не оказывалось надежного гаранта соблюдения всех тех прав, которые законодательство щедро предоставляло членам дворянского сословия, и крупный и влиятельный магнат мог беспрепятственно расправиться с кем-либо из своих более мелких соседей, не опасаясь, что за это он будет нести ответственность.

Такая практика русским людям того времени была известна, и в их глазах «сословное общество» стран Центральной Европы вовсе не являлось образцом для подражания. В начале XVII века, когда в ходе Смуты появилась возможность развития России по польскому пути, находившийся в то время в Москве польский шляхтич Самуил Маскевич записал такие высказывания своего русского собеседника: «Ваша вольность вам хороша, а наша неволя — нам, ведь ваша вольность... это своеволие, разве мы не знаем того... что у вас сильнейший угнетает более худого, свободно ему взять у более худого владение и самого убить, а по праву вашему искать справедливости придется много лет, прежде чем [дело] завершится, а то и не завершится никогда. У нас... самый богатый боярин самому бедному ничего сделать не может, так как после первой жалобы царь меня от него освободит». Наконец, следует отметить, что, ограничивая власть монарха, дворянство одновременно старалось свести к минимуму расходы на государственные нужды, препятствуя расширению аппарата и увеличению армии, чтобы сохранять в своих руках доходы от собственных имений. В перспективе такая политика вела к ослаблению государства, его неспособности противостоять формирующимся по соседству абсолютистским монархиям.

Все это вовсе не означает, что претензии демократических публицистов по отношению к царю Ивану совсем не основательны, а его историческая роль заслуживает только позитивной оценки. Автор хотел бы лишь обратить внимание читателя на то, что если конкретная роль Ивана IV в развитии древнерусского общества и древнерусской государственности рисуется вполне ясно и определенно, то историческая оценка этой роли требует внимательного изучения широкого круга проблем не только русской, но и европейской истории. К исследованиям такого рода отечественные ученые лишь начинают обращаться.

Но даже если такая работа в ее полном объеме будет когда-то проделана и ее итогом станет признание социально-политического устройства России второй половины XVI века наиболее оптимальной, обеспечивавшей возможность поступательного развития в данных исторических условиях формой организации общества, то все равно исследователи встанут перед решением вопроса: обязательны ли для

достижения такого итога были все те кровавые жертвы, которыми ознаменовалось правление Ивана IV и которые привели в конечном итоге к разорению всей страны, сделав ее неспособной отразить наступление своих противников? В нашем распоряжении до сих пор нет серьезных доказательств, что царь в своей политике сталкивался с непримиримой, готовой на крайние меры оппозицией, и продолжают сохраняться серьезные сомнения в существовании целого ряда заговоров, которые Иван IV подавлял с такой жестокостью.

Приходится честно сказать читателю, что на вопрос об историческом значении деятельности Ивана IV мы до сих пор не имеем окончательного ответа. Остается лишь надеяться, что его могут принести труды новых поколений исследователей.